

«Шли шаг в шаг по минному полю...»

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП» ВСТРЕТИЛСЯ С ПЕТЕРБУРГСКИМ ЖУРНАЛИСТОМ АНДРЕЕМ ЗАХАРЧУКОМ, ВЫЗВОЛЕННЫМ ИЗ УКРАИНСКОГО ПЛЕНА

История этого молодого человека облетела все федеральные СМИ. Уроженец Украины Андрей Захарчук, ныне корреспондент интернет-газеты «Невские новости», в феврале был задержан в городе Николаеве как «российский шпион». Спустя 11 дней его обменяли и перевезли на территорию Новороссии. В настоящее время он находится в Санкт-Петербурге и, по его собственным словам, до сих пор приходит в себя, пытаясь осмыслить произошедшее.

— Андрей, в Петербурге, насколько я понимаю, ты не так давно. Расскажи о себе: где родился, что окончил, каким образом попал в Северную столицу?

— Я из города Желтые Воды Днепропетровской области. Окончил Национальный горный университет. Параллельно заочно получил образование журналиста. После учебы полгода работал шахтером. Понял, что дело это неблагодарное: зарплаты мизерные, здоровье портится. Плюс рутинка. Подумал: мне всего 22 года (сейчас Андрею 25. — Ред.), надо попробовать что-то еще, если сейчас не поеду — никогда не поеду. Был друг, который жил в Петербурге, он пригласил меня. Я собрался и наобум приехал. Несколько лет работал барменом. Потом вспомнил, что у меня есть еще навыки журналистики. Поискал вакансии. В марте прошлого года устроился в «Невские новости».

— Во время ареста на Украине ты был в командировке?

— Да, командировка, совмещенная с отпуском. Я ездил по городам и делал фоторепортажи. Снимал символы, достопримечательности, красивые места. Посетил Киев, Харьков, Одессу, Днепропетровск. И Николаев. Там и остался.

— Как произошло твоё задержание?

— На Украине я всегда чувствовал себя свободным. Можно сказать, дышал свободой. И никогда не ожидал, что за простую фотосъемку в общественном месте меня могут посадить, да еще по столь тяжелой статье — «Государственная измена», предусматривающей до 15 лет тюрьмы. 10 февраля я прибыл в Николаев, остановился в гостинице. Сфотографировал основные достопримечательности. Собирался еще снять предприятия, но ни одного работающего не нашел! Случайный прохожий на улице мне сказал, что в городе есть бронетанковый завод, который работает 6 дней в неделю. Я прибыл на место, смотрю — невзрачное здание. Вокруг частные дома. Щелкнул два раза камерой и пошел на трамвайную остановку. Тут мне наперерез выехала машина охраны. Меня скрутили, вызвали СБУ. Стали требовать позывные, пароли. Два дня я провел в одиночной камере в изоляторе временного содержания. Потом меня отправили в СИЗО.

— Каким образом удалось в такие короткие сроки освободиться?

— Думал, что недоразумение. По украинским законам меня вообще не имели права задерживать. Что такое государственная измена? Переход на сторону врага. Состоялось два суда. Родители сообщили об этом моей девушке, которая живет

Андрей до сих пор пытается осмыслить случившееся.

в Петербурге. Она смонтировала видеоролик и разослала его журналистам, разместила в Интернете. Ролик показали по телевидению, отклик был огромный. И я очень благодарен всем откликнувшимся! Видеообращение это увидел глава ЛНР Игорь Плотницкий. Его эта ситуация по-человечески задела, и он решил включить меня в списки на обмен. Мои родные выжили и на украинские телеканалы, но, как ни странно, никто за освещение этой темы не взялся — это самое обидное.

— Что ты можешь сказать о времени, проведенном в СИЗО? Было ли какое-то давление со стороны милиции? Как тебя воспринимали сокамерники?

— У меня была особо тяжелая статья, и со мной сидели люди, совершившие тяжелые преступления, в основном убийства. Я объяснил им свою ситуацию. Все поняли, сказали, что сейчас время такое и что эти госизмены шьют всем подряд. Физического давления со стороны правоохранительных органов не было, но было моральное — это используют во всех странах. А вот что поразило — со мной сидели люди, о существовании которых я раньше не догадывался! Парни по 20 лет, не умеющие ни читать, ни писать: в нашей девятиместной камере их было трое. И такие сидели во всех камерах — люди из сел, которые просто не имели возможности учиться. Поразила глупость убийств! За старый велосипед. За цветной лом. По пьянке. Некоторые были откровенно не в себе, у них и справки есть о психическом расстройстве. Один, например, вообще не понимал, что происходит. И так и сидят они, некоторые по несколько лет, и ничего с места не двигается. Удивило, что сотрудники этого СИЗО получают мизерную зарплату: 2 — 3 тысячи гривен. Сами они говорят: мы скоро перестанем сюда

ходить, пусть эки сами как-нибудь. И все к тому и идет...

— Были среди заключенных такие же политические?

— Встречал одного, из ДНР, — он участвовал в подготовке референдума о независимости. Приехал в Николаев, ему гранату в руки всунули и посадили. В моей камере отношение к нему было хорошее. Ну он и сам был не маленький. Продолжал отстаивать свою позицию — что он за ДНР, против Штатов. Идеальный. Тоже ждал обмена.

— Каким образом произошел твой обмен?

— Моя история вызвала слишком большой резонанс, и меня решили обменять. Отправили в Краматорск, где содержатся донбасские военнопленные. Оттуда — на границу с ЛНР. Со мной в группе ехали 15 человек. Россиян среди них не было. Парни, мужики с донбасским говором, повадками — такие же учились со мной в вузе. Побитые, травмированные, перевязанные. Процесс обмена был долгим. Пять часов мы ждали у границы, промерзли. Один из парней вообще был без обуви, только в носках. Потом шли минут сорок, шаг в шаг, потому что кругом все заминировано...

— Какие эмоции были у тебя, когда оказался на свободе?

— Обида, что меня выставили предателем родины. Сейчас я свободен, но обвинение не снято. И наверняка, в глазах некоторых украинцев я остаюсь таким. Тем более меня приняла Луганская народная республика — оплот, по мнению украинской стороны, террористов. В свое время я поддержал майдан. Почему? Все правители нам говорили, что у нас европейский выбор. А когда Европа предложила ассоциацию — отказались. Мне

было непонятно — почему? Вообще политика — сложная тема, я себя считаю аполитичным. По каким-то вопросам у меня есть мнение, но это всего лишь догадки.

— Какой ты увидел войну, с которой соприкоснулся в Краматорске, при обмене, в Луганске?

— Увидел настоящих мужчин, которые лежат с тяжелыми ранениями, но держатся крепко. Хотя вживую это очень страшно выглядит. В ЛНР больше всего удивило то, что эти люди — сепаратисты или ополченцы — одеты в простую одежду, на шапках звездочки, не имеют никакой современной экипировки, ресурсов не хватает. Но все-таки воюют...

— А какие-то выводы, как журналисту, пришлось сделать?

— Самое печальное, что сейчас происходит, — информационная война. Минские договоренности — это дипломатический подвиг, который совершили лидеры «нормандской четверки». Я считаю, что такой же договор должен быть достигнут и на уровне, может быть, министров информации наших стран. Чтобы стороны перестали использовать такие термины, как «хунта», «бандеровцы», «рашисты», «окупанты». Если украинский человек видит статью, в которой написано «хунта», он даже читать ее не будет. И еще больше разозлится. То же самое и русский человек. Если мы хотим мира — давайте реально идти к миру.

— На Украину ты можешь вернуться?

— Нет, не могу. Мне сказали: «Не приезжай». Но я планирую. Думаю, рано или поздно все это закончится.

Беседавал Сергей ПРУДНИКОВ
Фото автора